

Умение обращаться с маленькими детьми — это целая наука. Цзян Най с малых лет помогал нянчиться со множеством младших братьев и сестер, так что за этот предмет он с натяжкой мог бы получить удовлетворительно, а вот в деле кормления, пожалуй, даже отлично.

Но вот тот самый господин Фэн, который каждый день начинает работать в семь часов утра, по этому предмету, судя по всему, заработал бы неуд, мысленно отпустил шпильку Цзян Най.

Привлеченный детским плачем, он спустился вниз и увидел двух невероятно похожих друг на друга малышей в детских стульчиках. У них была белоснежная кожа и утонченные черты лица, из-за чего они походили на парочку милых ангелочков.

Даже сейчас, когда они помимо воли оказались втянуты в неприятности, их сильные эмоции ничуть не портили детской ангельской прелести.

Тот, что сидел слева, зажал руку ладонью, а по щекам ручьями катились крупные слезы, но он упорно сдерживался, не издавая ни звука. Второй же, весь рассерженный, зычным детским голоском отчитывал няню:

— Мы больше не хотим, чтобы ты нас кормила! Ты сделала больно Фань-фане, я пойду пожалуюсь отцу!

На полу возле обеденного стола валялась опрокинутая маленькая пиала, а приготовленная каша расплескалась на паркет, еще испуская струйки горячего пара.

Няня, к которой были обращены эти упреки, сидела на корточках на полу, подбирая тряпкой пролитое, и вовсе не принимала детские угрозы близко к сердцу.

— Только что тетушка нечаянно, Чжоу-чжоу, не сердись. Вообще-то каша и должна быть погорячее, чтобы было вкусно. Но как же ты мог вспылить и выбросить мивку? Если господин узнает, он тебя накажет...

Каким бы умным ни был трехлетний малыш, ему не справиться со взрослым, который с абсолютно серьезным видом выворачивает все наизнанку.

Цзян Най холодно наблюдал за происходящим, не вмешиваясь.

— Вы здесь больше не нужны, возвращайтесь пока домой.

Чжоу-чжоу очень разозлился и, указывая на него пальцем, громко произнес:

— Видишь, у Фань-фани рука вся покраснела! Живо иди за лекарством!

Чжоу-чжоу кивнул.

Он развернулся, снял обоих детей со стульчиков, бережно приподнял обожженную ручку и внимательно осмотрел ее — та была лишь слегка покрасневшей, волдырей не было, и только после этого он немного успокоился.

— Папа, — тихо позвал Фань-фань, прижимаясь к Цзян Наю.

Неужели он действительно папа этих двоих детей? Или, вернее, признают ли эти двое его своим папой?

Столкнувшись с этим вопросом, он испытывал сильную тревогу: у трехлетних детей в головках

уже зарождаются собственные мысли.

Тем более что выражение лица этой няни было совсем недружелюбным.

Цзян Най моргнул, и теплая влага скользнула по щекам.

С этими словами она опустила на корточки и принялась убирать быстрее.

Эта женщина средних лет появилась в семье Фэн совсем недавно и вечно заведовала лишь хозяйством за пределами главного дома, а в последнее время ее приставили приглядывать за детьми просто потому, что не хватало рук.

Струйка прохладной воды омывала нежные пухлые пальчики. Цзян Най обнимал ребенка и тихо спрашивал на ухо:

— Сейчас чувствуешь себя лучше? Ручка все еще болит?

Лицо Цзян Ная было бледным, губы пересохла. Глядя на двух малышек перед собой, он медленно кивнул:

— Да, я папа.

Это дети меня, Цзян Ная.

На тыльной стороне ладони Фань-фани горячая каша оставила красный след, и поскольку помощь не оказали вовремя, теперь кожу сильно жгло.

Цзян Най подавил рвущийся наружу горячий поток слез и тихонечко произнес:

— Давайте сначала пойдем на кухню и подставим руку под воду. Чжоу-чжоу и Фань-фань, пойдемте вместе, хорошо?

Что думают взрослые, дети не знали. Фань-фань чувствовал, что сейчас он очень счастлив: он знал, что папа держит его на руках.

Если ее действительно уволят, отыскать столь же высокооплачиваемую работу будет совсем не просто.

Чжоу-чжоу больше ничего не говорил, лишь без устави дул своими маленькими губками на ручку Фань-фани, словно надеясь таким способом облегчить его боль.

Каким бы хрупким и тощим ни казался взрослый, перед трехлетними малышами он обладает абсолютным преимуществом в силе.

Понятия не имея, сколько именно тот успел увидеть, няня вдруг переменялась в лице, и выражение ее стало довольно неприятным.

Когда он поднял Фань-фаня на руки, собираясь отнести на кухню к воде, второй ребенок схватил его за подол рубашки. В огромных детских глазах читались удивление, растерянность и множество других чувств, которые еще трудно было разобрать.

В глазах няни средних лет мелькнуло раздражение. Бросив начатую уборку, она резко поднялась на ноги, уставилась на детей у обеденного стола и раздраженно бросила:

— Подумаешь, капнула пара капель каши, потом водой промоете — стоило ли из-за этого поднимать шум?!

Фань-фань только что плакал, и на его ресницах еще дрожали капельки слез.

Обожгло ведь Фань-фаня. Прозрачные слезы струились ручейком, отчего во рту у Цзян Ная становилось невыносимо горько.

Стоило кому-то взять его на руки и подставить ладонку под прохладную воду, как жгучая боль и впрямь почти прошла.

Чжоу-чжоу не знал ответа на этот вопрос, а слушая уверения новой тетушки, начал тревожиться. Но, заметив плачущего рядом Фань-фаня, он снова набрался смелости, чтобы противостоять взрослому.

В его темных глазах поблескивал холодный свет, хрупкое тельце мгновенно ошетинилось невидимыми иголками, и он быстрыми шагами направился к обеденному столу, где разворачивалось противостояние.

Заметив в холле Цзян Ная и видя его болезненный вид, она решила, что тот, скорее всего, местная хозяйка.

Услышав слова новой тетушки о том, что господин накажет, Чжоу-чжоу заволновался: он ведь действительно швырнул пиалу на пол, а послушные мальчики так себя не ведут.

Сказав это, Цзян Най снова тяжело вздохнул.

Отец показывал им множество фотографий папы, а еще видео, где папа готовит еду. Папа очень красиво улыбается, а иногда гладит себя по животу и приговаривает: Фань-фань, Чжоу-чжоу.

Он разбил пиалу, вел себя плохо — неужели отец теперь перестанет ему помогать?

Она мало что знала об укладе в этом доме, но была осведомлена, что отец семейства отличается строгим нравом, а матерью является способный рожать мужчина, который из-за слабого здоровья только недавно вернулся на виллу.

Цзян Най стоял у поворота лестницы и наблюдал за всем этим: ни дети, ни взрослая внизу его еще не заметили.

Дети тоже инстинктивно чувствуют опасность.

Он заслонил собой малышей и с ледяным выражением лица посмотрел на няню. Вспомнив, как они только что плакали, прижавшись друг к другу, он и вовсе не собирался смотреть на нее с любезностью.

Это и правда было так удивительно! Широко распахнув глаза, мальчик уставился на брызги воды, летящие на его руку, и казался совершенно зачарованным.

От этого слова — папа — у Цзян Ная задрожали руки, обнимавшие ребенка. Малыш был таким мягким, и от него пахло молоком.

При этой мысли она все же решила проявить бесстыдство и с заискивающей улыбкой протянула:

— Господин, с детьми столько хлопот. Позвольте уж мне доделать, я тут почти все на полу прибрала.

Следом он повернул голову, внимательно взгляделся в лицо Цзян Ная и внезапно выпалил:

— Ты папа?

Отец говорил, что тогда они жили у папы в животике.

Позже он еще много раз видел папу, лежащего в постели — даже с закрытыми глазами тот был очень красивым.

Отец говорил, что папа просто заболел.

Что пройдет немного времени, и он поправится.

Ни он, ни Чжоу-чжоу не знали, сколько это — немного времени, но они просто ждали, ждали — и дождались.

Папа проснулся и теперь крепко обнимал его со спины.

От этой новости боль в руке показалась уже не такой сильной, и малыш радостно заболтал ножками.

Чжоу-чжоу неизвестно откуда притащил маленький стульчик, на цыпочках взобрался на него, чтобы посмотреть, как промывают руку Фань-фани, пухленьким пальчиком смахнул с лица брата слезинку и, надув губы, спросил:

— А сейчас все еще болит?

Фань-фань покачал головой и с довольным видом повернулся к Чжоу-чжоу:

— Папа мне промыл водой, теперь рука почти не болит.

И тут же оба ребенка добавили с благоговейным вздохом:

— Папа у нас просто невероятный!

Цзян Най от таких похвал даже немного смутился, выходя из оцепенения. Он приподнял ручку Фань-фани и спросил:

— Вы оба знаете, где дома лежит аптечка?

Он только что слышал, как Чжоу-чжоу требовал от няни дать Фань-цзаю лекарство, значит, дома оно точно должно быть.

И верно, Чжоу-цзай слез со стула, указал пальчиком на один из шкафов в гостиной и выпалил:

— Знаю, она лежит в шкатулке в гостиной!

Цзян Най порылся внутри и действительно обнаружил мазь от ожогов. Вскрыв корочку, он аккуратно намазал лекарство на руку Фань-фани и строго-настрого велел ему ничего не трогать.

Фань-фань задрал вверх уже намазанную руку, стараясь не задеть одежду, и очень серьезно поблагодарил Цзян Ная:

— Спасибо, папа.

Какой же вежливый ребенок.

Цзян Най улыбнулся и потрепал его по мягкой щечке.

Няня в холле уже закончила уборку пола и, заметив, что Цзян Най выходит с детьми, снова сунулась к ним с желанием сказать что-нибудь приятное.

Стоило ей приблизиться, как оба ребенка тут же прижались к Цзян Наю. Ничего не говоря, они всем своим видом явно показывали, как сильно отвергают эту новую тетюшку.

Увидев такую реакцию, няня неловко усмехнулась:

— Дети есть дети...

— Возвращайтесь домой, — Цзян Най крепко сжал ручки близнецов и оборвал ее на полуслове, сейчас его это совершенно не волновало.

Видя, что Цзян Най непреклонен, няне оставалось лишь с кислым видом удалиться.

Мысленно же она продолжала злобно плевать желчью, думая, что этот человек — сущее недоразумение: мало того, что характер странный, так еще и детей воспитывает изнеженными капризниками. Ей нужно было как можно скорее придумать какое-то оправдание до возвращения господина Фэна, чтобы тот действительно её не уволил.

Няня ушла, и в доме остались только отец и двое сыновей. Атмосфера расслабилась, и Цзян Най усадил их за стол.

Близнецы, устроившиеся на диване, были очень взволнованы и смотрели на Цзян Най глазами, похожими на спелые ягоды чёрного винограда. Папа был похож на настоящего героя, который спустился с небес и помог им прогнать плохих людей, обижавших Фань-фань.

Глаза Чжоу-чжоу сияли, а в его детском голоске звучало неподдельное ликование:

— Папа!

Цзян Най почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

Это мои дети, я их люблю.

Почти в тот же миг Цзян Най пришёл к такому выводу.

Он принадлежал к редкой группе мужчин, способных к деторождению.

Когда он был маленьким, многие считали это своего рода увечьем, чем-то постыдным и неприличным, о чём не принято говорить вслух. Особенно в отсталых регионах люди стыдились даже упоминать такой пол детей.

Цзян Най полагал, что именно из-за этого от него и отказались.

Они составляли меньшинство, отличались от остальных, а потому считались изгоями — их презирали и даже могли просто выбросить.

Лишь когда он постепенно вырос, общество наконец начало уделять этой проблеме внимание, и предрассудки, тяготевшие над их группой, стали понемногу рассеиваться. Вплоть до того момента, как он потерял память, в новостях всюду трубили о многочисленных случаях мужской беременности, и казалось, что это стало чем-то совершенно привычным и естественным.

Вспомнив об этом, Цзян Най ласково погладил обоих малышей по макушкам — ведь эти двое были связаны с ним самой кровной узами.

— Бур-бур-бур... Гур-гур-гур...

В чьём-то маленьком животике заиграл целый симфонический оркестр. Цзян Най невольно рассмеялся, протянул руку и потрогал мягкий пухлый животик, отчего Фань-фань смущенно опустил голову.

— Ладно, папа пойдет приготовить вам поесть.

Потеря памяти пока могла подождать, от безопасного убежища тоже можно было временно отказаться, а вот сейчас самым важным было приготовить горячий завтрак.

Подойдя к кухонному острову в кухне открытой планировки, Цзян Най повязал обоим малышам маленькие нагрудники, которые лежали в серванте.

Ткань на ощупь оказалась очень мягкой. Цзян Най завязал тесёмки у детей на шейках, завязав красивые бантики.

Чжоу-чжоу погладил свой животик, задрал голову на Цзян Най и жалобно, с капризными нотками в голосе протянул:

— Чжоу-чжоу так кушать хочет, можно Чжоу-чжоу сначала молочка попьет?

Фань-фань тоже тихонько поддакнул:

— Фань-фань тоже голодный. Услышав, как близнецы зовут на помощь и просят молока, Цзян Най почувствовал, что его полностью сразило это милосердие, и сам он словно ступил на облака.

Разве можно было в этом отказать? Тем более что требование маленьких детей поесть молока было самым естественным делом на свете.

Отыскав в буфете банку с детской смесью, на которой было совершенно невозможно прочесть название, Цзян Най с помощью приложения-переводчика на телефоне сканировал весь текст на банке и в спешке и суете наконец-то отыскал правильный способ приготовления.

Маленькие бутылочки хранились в стерилизаторе на кухне. На каждой из них было нарисовано по барашку: один стоял, а другой лежал, и оба выглядели до невозможности забавно и мило — точно так же, как те два малыша, что сидели в детских стульчиках и, не мигая, следили за Цзян Найем.

Цзян Най быстро проверил температуру воды и развел молоко. Зажав в каждой руке по бутылочке, он пару раз встряхнул их вверх-вниз, а затем поставил на стоявший за спиной кухонный остров.

— Эти две бутылочки с барашками — какая из них Фань-фаня, а какая Чжоу-чжоу? Папа совсем их не различает!

Чжоу-чжоу еще хотел, чтобы Цзян Най сам вложил бутылочку ему в ручки, ведь в детском саду со всеми остальными малышами родители поступали именно так.

Но стоило им услышать слова отца, как малыши вспомнили, что папа болел и только сейчас увидел Фань-фаня и Чжоу-чжоу, так что вполне естественно, что он не знает, где чья бутылочка. Теперь им нужно было помочь папе.

Фань-фань выглядел очень спокойным, но действовал быстрее: его маленькие ручки протянули бутылочку с лежащим барашком сидевшему рядом Чжоу-чжоу, а себе он взял другую.

Наверное, они и правда сильно проголодались: едва бутылочки оказались в руках, малыши нетерпеливо засунули соски в рот. Их пухлые щеки задвигались, и вскоре молока в бутылочках заметно убавилось.

Неудивительно, что от них пахло молоком — оказывается, они все еще пили детскую смесь.

Цзян Най улыбнулся:

— Я пойду приготовлю вам что-нибудь поесть, а вы сидите здесь и послушно пейте молоко.

Малыши кивнули в знак согласия.

Цзян Най зашел на кухню. На плите стоял глиняный горшок: открыв его, он обнаружил остывшую кашу из свинины с яйцами века. Тот, кто ее готовил, не рассчитал огонь, и от каши слегка отталкивало сыростью.

Бракованная каша, — мысленно поставил оценку Цзян Най, гадая, не бывшая ли это няня приложила руку. Отыскав в холодильнике продукты, он решил приготовить что-нибудь на скорую руку, чтобы малыши не успели проголодаться.

Он разбил несколько яиц в мерный стакан, добавил щепотку соли, а затем влил душистое молоко и тщательно всё взбил венчиком.

Яичную смесь вылили на сковороду, которую всё это время подогревали на медленном огне. Содержимое постепенно густело, но очень медленно. Цзян Най взял деревянную лопатку и осторожно стал сдвигать полужастывшую массу от краев к центру, пока яичница полностью не перестала растекаться.

Быстро приготовив три порции, он аккуратно разложил их по трем тарелкам и сверху присыпал щепоткой ароматного перца с солью — вышло аппетитно и золотисто.

В другой плоской сковороде шипели креветки, шампиньоны и хрустящая спаржа. Цзян Най быстрым движением разложил готовую еду по тарелкам и подал на стол.

Малыши уже успели допить молоко — звуки так и раздавались на всю кухню. Уловив доносящийся из кухни манящий аромат, они даже приподняли маленькие ножки под столом.

— Ва-а-у, папа так красиво приготовил!

Цзян Най мысленно усмехнулся: критерии оценки у детей донельзя просты.

Золотистый скрэмбл горкой возвышался на тарелке, ярко-зеленая спаржа была аккуратно подобрана по длине и толщине, шампиньоны сохранили идеальную форму, а жареные креветки аккуратной чередой выстроились с краешку — зрелище и впрямь было загляденье.

Впрочем, через мгновение от этой красоты не останется и следа.

Указав на еду в тарелках, Цзян Най спросил:

— Вы раньше пробовали то, что лежит в тарелках?

Фань-фань и Чжоу-чжоу дружно кивнули:

— Тетя готовила.

Вот и отлично, Цзян Най успокоился.

Он снова отвел обеих малышек вымыть руки, после чего взял кухонные ножницы и принялся нарезать еду на тарелках маленькими кусочками.

Аккурат как раз на один укус, чтобы удобно было брать поштучно.

Цзян Най работал быстро, и еда была готова в мгновение ока.

Усевшись напротив них с ложечкой в руке, он стал по очереди кормить каждого.

Честно и беспристрастно: покормил одного, затем переключился на другого.

Чжоу-чжоу очень любила креветки, и когда в ложке попадался кусочек мяса, она начинала грызть ее куда быстрее. Зато стоило зачерпнуть побольше овощей, как она тут же становилась неторопливой и ленивой, напоминая рыбку, которая крутится возле наживки, но никак не хочет заглотнуть крючок.

У Фань-фаня никаких особых предпочтений в еде не наблюдалось: он каждый раз послушно прожевывал то, что оказалось во рту, а потом не спеша открывал рот для следующего кусочка. Кормить его было сплошным удовольствием — всё шло в размеренном ритме.

На самом же интересном месте Фань-фань внезапно отвернулся и легко покачал головой.

Цзян Най только хотел спросить, наелся ли он — в конце концов, малыш совсем недавно выпил целую бутылочку молока.

Но Фань-фань сам взял ложечку и тихо произнес:

— Папа, Фань-фань сам покушает.

Увидев это, Чжоу-чжоу тут же выпятила свою маленькую грудку и произнесла с нескрываемой гордостью:

— Чжоу-чжоу тоже умеет!

С этими словами она схватила ложку, зачерпнула сразу четыре-пять креветок и запихнула их в ротик так ловко, что ни единой штучки не упало мимо.

Раз так, Цзян Най не стал настаивать и отложил ложку, чтобы заняться собственным завтраком — ему полагалось на два ломтика поджаренного хлеба больше, чем детям.

Фань-фань ел очень изящно: в одной руке ложка, в другой палочки, и он строго следил за тем, чтобы в каждой ложке обязательно присутствовали и овощи, и яйцо, и креветка.

Лицо его при этом было невероятно серьезным, словно он проводил самый сложный химический опыт и добавлял в колбу самый важный реактив.

Чжоу-чжоу вела себя куда более размашисто: сперва она подчистую смела все свои любимые креветки, а уже потом принялась за остальное.

Если временами у нее не получалось подцепить еду ложкой, она, в отличие от Фань-фаня, не пользовалась палочками, а просто подбирала лакомство пальцами и отправляла в рот. К концу трапезы ее ротик и ручки были перепачканы маслом.

Один кусочек гриба попытался сбежать — скатился с края рта обратно на тарелку, да еще и успел пару раз перевернуться на одежде Чжоу-цзай. К счастью, на ней был нагрудник, иначе за три приёма пищи пришлось бы трижды переодеваться.

Протирая ей рот влажной салфеткой, Цзян Най поинтересовался:

— Наелись?

Чжоу-чжоу притянула к себе тарелку и молчала.

Цзян Най подумал, что она еще не доела, но тут же одернул себя: погодите-ка, быть такого не может, порция, которую он приготовил сегодня утром, для трехлетнего ребенка — более чем с избытком.

С улыбкой он предложил:

— Раз всё съели, давайте пойдем мыть руки.

Однако ни Фань-фань, ни Чжоу-чжоу не горели желанием вставать: им хотелось побыть с папой подольше, и заканчивать трапезу так быстро они вовсе не собирались.

Все детские эмоции были написаны у них на лицах, и Цзян Най, опираясь на прошлый опыт, догадался: раз они так тянут время за едой, значит, на девяносто процентов они просто не хотят заниматься тем, что должно следовать дальше.

Он спросил:

— У нас же есть еще какие-то дела на сегодня?

<http://bllate.org/book/22066/2294540>